О криминальности. On Criminality (1934)

Перевод выполнен Еленой Лапидус по изданию: Klein M. Contributions to Psycho-Analysis (1921-1945). - L.: Hogarth Press, The Institute of Psycho-Analysis, 1948, P.278-281. Научная редакция С.Ф.Сироткина.

Данный текст "On Criminality" представляет собой выступление Мелании Кляйн на симпозиуме по преступности во время встречи на медицинской секции Британского психологического общества 24 октября 1934 года.
В данной работе автор показывает естественные глубинно-психологические механизмы, сопутствующие нормальному развитию ребенка, которые при определенных условиях могут реализоваться в криминальные или патологические тенденции. Несомненный интерес представляет созданная М.Кляйн психодинамическая модель, описывающая взаимосвязь агрессивности и тревоги.

Господин председатель, леди и джентльмены, когда ваш секретарь за день или два до этого попросил меня выступить на сегодняшней дискуссии, я ответила, что сделаю это с удовольствием, но не смогу достаточно полно дать обзор всему наработанному по данной теме как в докладе или статье. Я указываю на это, т.к. на самом деле собираюсь лишь кратко изложить несколько выводов, которые я сформулировала в другой связи [1].
В докладе [2], с которым я выступала на этой секции в 1927 году, я попыталась показать, что криминальные тенденции существуют также и у нормальных детей, и кратко упомянула несколько предположений относительно факторов, лежащих в основе асоциального и криминального поведения. Я обнаружила, что дети будут проявлять асоциальные и криминальные тенденции и действовать согласно им (конечно, по-своему, по-детски) снова и снова, чем больше они боялись жестокого возмездия со стороны своих родителей в виде наказания за свои агрессивные фантазии, направленные против этих родителей. Дети, которые бессознательно думали о разрезании на части, обезглавливании, пожирании и т.д., будут вынуждены чувствовать себя испорченными и готовы понести наказание, т.к. реальное наказание, хотя и строгое, было бы утешением в сравнении с кровавыми нападениями, которых дети постоянно ожидали со стороны фантастической мести родителей. В работе, на которую я ссылалась, я сделала вывод, что это не слабость или отсутствие супер-эго (как обычно предполагают) и, другими словами, не отсутствие совести, но подавление требований супер-эго, ответственное за характерное поведение асоциальных и криминальных личностей.
Дальнейшая работа в области детского анализа подтвердила эти предположения и дала более глубокое понимание механизмов, задействованных в подобных случаях. Сначала маленький ребенок скрывает агрессивные импульсы и фантазии против своих родителей, затем ребенок проецирует их на родителей, из этого развивается фантастическое и искаженное представление о людях вокруг него. Но в то же время действует механизм интроекции, так что эти нереальные имаго становятся интернализированными, и это ведет к тому, что ребенок чувствует себя управляемым фантастическими опасными и жестокими родителями - супер-эго внутри его.
В ранней садистической фазе, которую проходит каждый нормальный индивид, ребенок защищается от своих страхов перед объектами собственного насилия, как интроецированных, так и внешних, удваивая атаки на них в своем воображении; его цель в подобном освобождении от этих объектов - частично заглушить непереносимые угрозы своего супер-эго. Порочный цикл запускается, тревога ребенка побуждает его разрушать свои объекты, это ведет к росту его собственной тревоги, а это опять-таки заставляет его действовать против данных объектов; этот порочный цикл составляет психологический механизм, который оказывается в основе асоциальных и криминальных тенденций в индивидууме.
Когда при нормальном развитии садизм и тревога уменьшаются, ребенок находит лучшие и более социальные средства и пути преодолеть свою тревогу. Лучшая адаптация к реальности позволяет ребенку получить большую поддержку против фантастических имаго через его отношение к реальным родителям. На самых ранних стадиях развития его агрессивные фантазии против родителей, братьев и сестер вызывали тревогу, как бы эти объекты не повернулись против него, эти тенденции сейчас становятся основой для чувства вины и желания стать хорошим, каким он был в своем представлении. Подобные перемены происходят в результате анализа.
Анализы игры показывают, что если агрессивные инстинкты ребенка и его тревога очень сильны, то он упорно продолжает рвать, резать, ломать, разливать и сжигать различные предметы: бумагу, спички, коробки, безделушки, которые представляют собой его родителей, братьев, сестер, а также тело и груди его матери, и мы видим также, что эти агрессивные действия чередуются с сильной тревогой. Но когда при анализе тревога постепенно преодолевается, и таким образом снижается садизм, на первое место выходят чувство вины и конструктивные тенденции, например, если сначала маленький мальчик ничего не делал, а только крошил

кусочки дерева, сейчас он будет стараться сделать из этих кусочков карандаш. Он возьмет кусочки графита из карандашей, которые он разломал, вложит в трещину деревяшки, а затем обмотает кусочек материи вокруг необработанного дерева, чтобы это выглядело красивее. Из общего содержания материала, который он представил, и из его ассоциаций, стало очевидным, что этот самодельный карандаш символизирует пенис его отца, сломанный в фантазии, и его собственный, повреждения которого он боялся как меры возмездия.
Чем больше возрастает тенденция и способность к восстановлению, и чем больше становится его вера и доверие к окружающим, тем мягче становится его супер-эго, и наоборот. Но в тех случаях, когда, как результат сильного садизма и подавленной тревоги (я могу только кратко упомянуть о некоторых наиболее важных факторах) логический круг между ненавистью, тревогой и деструктивными тенденциями не может быть разорван, индивид остается в стрессовой ситуации ранней тревоги и сохранит защитные механизмы, принадлежащие той ранней стадии. Если далее страх супер-эго, как по внешним, так и по интерпсихическим причинам, перейдет определенные границы, индивид может быть вынужден наносить вред людям, и эта вынужденность может сформировать основу для развития как криминального типа поведения, так и психоза.
Таким образом, мы видим, что из одного психологического источника могут развиться паранойя и криминальность. В последнем случае определенные обстоятельства приводят к общей тенденции преступника подавлять бессознательные фантазии и осуществлять их в реальности. Фантазии о преследовании одинаковы для обоих состояний; это потому, что преступник чувствует себя преследуемым за уничтожения других.
Естественно, в таком случае, когда ребенок не только в фантазии, но и в реальности в некоторой степени преследуется злыми родителями и неблагоприятной обстановкой, фантазии усиливаются. Существует общая тенденция к переоценке важности неудовлетворительной обстановки, в этом смысле внутренние психологические трудности, которые частично происходят от окружающей среды, недостаточно оценены. Т.е. это зависит, прежде всего, от степени интрапсихической тревоги, во всяком случае на это не будет влиять просто улучшение окружения ребенка.
Одна из главнейших проблем преступников, которая всегда делала их непонятными для общества, - это отсутствие у них естественных человеческих добрых чувств; но это отсутствие только видимое. Когда в анализе человек достигает глубочайших конфликтов, от которых происходят ненависть и тревога, он также обнаруживает и любовь. Любовь в преступнике не отсутствует, но она так спрятана и затаена, что ничего, кроме анализа, не может ее высветить; преследуемый позднее ненавистью объект первоначально был для маленького ребенка объектом всей его любви и либидо; преступник сейчас находится в позиции ненависти и преследования своего собственного объекта любви, т.к. это нестерпимая ситуация, все воспоминания и сознание любой любви к любому объекту должны быть подавлены. Если в мире нет никого, кроме врагов, а именно так чувствует преступник, то его ненависть и разрушительность в его глазах, в большей степени оправданы - это установка, которая ослабляет его бессознательное чувство вины. Ненависть часто используется как наиболее эффективное средство скрыть любовь; но не нужно забывать, что для человека, находящегося в продолжительном состоянии стресса от преследования, безопасность его собственного эго - первое и единственное, что значимо.
Итак, подведу итог: в случаях, когда функция супер-эго возбуждают главным образом тревогу, это вызовет действие насильственных защитных механизмов в эго, которые по природе своей неэтичны и асоциальны; но как только садизм в ребенке снижается и характер и функции его супер-эго изменяются так, что вызывают меньше тревоги и больше чувства вины. Эти защитные механизмы, формирующие основу моральных и этических установок, активизируются, и ребенок становится уважительным к своим объектам и податливым социальным чувствам.
Известно, как сложно строить отношения со взрослым преступником и исправить его, хотя у нас нет причин для излишнего пессимизма; но опыт показывает, что можно найти подход и исправить как преступника, так и психотичного ребенка. Поэтому лучшим средством против делинквентности мог бы быть анализ детей, которые показывают признаки анормальности в том или ином направлении.

[1] "Early Development of Conscience in the Child" [1933].
[2] "Criminal Tendencies in Normal Children".